

Столица гудела. От высокопоставленных вельмож до простых уличных торговцев — все, от мала до велика, в открытую или шепотом обсуждали недуг генерала Линя.

А сам генерал, по слухам, прикованный к постели из-за рецидива старых ран, в это время на тренировочном плацу резиденции втапывал в грязь своих личных телохранителей, которые уже взмолились о пощаде.

С самого утра ворота резиденции не закрывались: чиновники и отпрыски знатных семейств шли нескончаемым потоком, словно на ярмарку. Линь Цэ, полулежа на кровати, укрывался одеялом так, чтобы наружу торчала лишь рука, и с невозмутимым видом позволял присланным вельможами «светилам медицины» проверять свой пульс. Он использовал тайную технику секты Чжу Юэ, в глубине души надеясь, что хоть кто-то из них окажется настоящим мастером и раскусит обман. Увы, судя по лицам и словам врачей, никто из них не смог распознать уловку. Все как один ставили диагноз: истощение и слабость организма.

Зато благодаря этому Линь Цэ неплохо обогатился. Он без зазрения совести принимал подношения в виде редчайших лекарственных трав, и теперь кладовая резиденции была забита женьшенем и грибами линчжи до самого потолка.

Дни, проведенные в постели в ожидании визитеров, утомляли его куда сильнее, чем военные походы: от долгого лежания кости буквально ныли. Поэтому, как только вечером уходил последний гость, он сбрасывал одеяло и, даже не накинув халат, мчался на плац размять затекшие мышцы.

И это становилось настоящим испытанием для его солдат. Генерал, накопивший за день раздражение, в спаррингах становился еще свирепее и беспощаднее, чем обычно. Видя, что бойцы не могут подняться с земли, Линь Цэ со смехом бросил:

— Это я болен или вы?

— Это у генерала недуг... — пробормотал один из солдат.

— Что?

— То есть... это мы захворали, господин генерал.

Солдаты, люди бывалые и языкастые, тут же принялись придумывать отговорки: дескать, вчера жена побила, всё тело болит; другой жаловался, что супруга заставила всю ночь на коленях стоять; третий сетовал на несварение желудка от еды, которую жена заставила съесть через силу.

Линь Цэ слушал их, и его разобрал смех:

— Вы же все холостяки, откуда у вас взялись свирепые жены?

Судя по их рассказам, эта мифическая женщина, которая то была их, то заставляла стоять на коленях, была у всех одна на всех.

— Генерал, — не унимались охранники, — может, позовете Мэн Чжуйсина? Пусть он с вами померяется силами. У него хоть лицо и смазливое, но шкура толстая, выдержит. Нельзя же из-за того, что он красавец, жалеть его так же, как нас. Кстати, а где он? Только что же был здесь.

Когда генерал вызвал всех на плац, Чжуйсин и Чжу Юэ были рядом. Но сейчас на краю поляны стояла одна Чжу Юэ, а Чжуйсина и след простыл.

— Опять сбежал! — вздохнули охранники.

Все знали: стоило генералу предложить спарринг, как Чжу Юэ начинала сыпать отговорками, даже не моргнув глазом. А вот Чжуйсин был другим — он не оправдывался. Если чувствовал, что дело пахнет керосином, он исчезал бесшумно и быстро, словно заяц.

— Чжуйсин сказал, — подлила масла в огонь Чжу Юэ, опасаясь, что генерал забудет о нем, — что с вами, генерал, драться скучно, только время зря тратить.

Когда сумерки сгустились и звезды засияли, словно фонари, Линь Цэ вернулся в спальню, чтобы смыть пыль и пот. Выйдя из купальни, он увидел Чжу Юэ и с улыбкой спросил:

— Что ты... остолбенела?

За последние дни в резиденцию прислали столько тонизирующих средств, что повара приготовили генералу отвар из женьшеня, и Чжу Юэ принесла его горячим. В комнате горели все светильники, но генерала нигде не было. Она только успела поставить чашу на стол, как из соседней купальни вышел Линь Цэ, и она от неожиданности вздрогнула. Обернувшись, она замерла, пораженная до глубины души. Перед ней стоял молодой человек с чертами лица столь изысканными, словно их выточил сам небожитель. Родинка под глазом в свете ламп казалась особенно яркой, завораживая и лишая дара речи.

Видя, что Чжу Юэ застыла, Линь Цэ усмехнулся:

— Вытри слюни, а то потекут.

Девушка пришла в себя, но в душе ее все еще царило смятение. Она уже второй раз видела его таким — и это, несомненно, был их генерал.

В этот момент в комнату вошел Чжуйсин. Увидев Линь Цэ, он на мгновение остолбенел. Спустя

секунду, словно пытаюсь скрыть покрасневшие уши, он повернулся к Чжу Юэ и сухо, почти зло бросил:

— На кухне сказали, что ты принесла отвар? Я же просил дожждаться меня. Ты ни с какой работой нормально справиться не можешь, а если бы пролила?

— Послушай, Мэн Чжуйсин, ну ты и... — Чжу Юэ возмущенно округлила глаза. — Ну и скверный же у тебя характер!

Линь Цэ, наблюдая за их перепалкой, тихо рассмеялся. Чжуйсин, и без того покрасневшийся, отвернулся и обратился к генералу:

— Сунь Юдэ получил известие: завтра Чжоу Хань устраивает пир в загородной резиденции. Он пригласил Чжоу Цзэи. Говорят, среди гостей будет и Гун-ван, а также другие высокопоставленные лица. Он звал и вас, генерал, но вы ведь при смерти, так что присутствовать не можете.

— Загородная резиденция? — Линь Цэ слегка прищурился. Родинка под глазом словно ожила, придавая его лицу выражение, от которого перехватывало дыхание. — Вне города убийцам раздолье. Чжуйсин, если бы ты планировал покушение, когда бы ты... Чжуйсин?

Тот вздрогнул, возвращаясь к реальности:

— Если бы за дело взялся я, то убрал бы их в любой момент, даже не вспотев.

Чжу Юэ усмехнулась:

— Ишь, какой приткий. Убил бы всех принцев сразу, оставил одного Чжоу Цзэи, чтобы никто не мешал ему занять трон, — и послезавтра мы бы уже возвращались в Шобэй.

Чжуйсин невозмутимо спросил:

— Генерал, хотите, я завтра проберусь в резиденцию Чжоу Ханя и перебью их всех?

Линь Цэ рассмеялся:

— Если Гуансян-ван и Гун-ван умрут, а Хуай-ван останется цел и невредим, ты хочешь, чтобы весь мир догадался, что убийца — он?

— Тогда, может, ранить Чжоу Цзэи для вида? — предложила Чжу Юэ. — Сыграть в горе от ума?

— Хорошая идея, — с улыбкой отозвался Линь Цэ. — Не знал, что ты освоила искусство самопожертвования. Но этого мало. Кроме принцев там будут левые и правые министры, главы родов и все, кто может докопаться до истины. Возможно, придется убрать и генералов Армии Чжэньнань, иначе, если все вскроется, они поднимут мятеж, и трон под Чжоу Цзэи зашатается.

Чжуйсин и Чжу Юэ замолчали.

— Чжуйсин, если у тебя нет таких способностей, зачем хвастаться? — съязвила Чжу Юэ.

Тот проигнорировал ее и спросил:

— Какие будут распоряжения на завтра?

— Сейчас весь город знает, что я болен. Завтра закройте ворота и объявите, что мое состояние ухудшилось, никого не пускать. Сунь Юдэ пусть передаст Чжоу Цзэи, что мы отправляем с ним несколько телохранителей для охраны.

Чжу Юэ удивилась:

— Вы хотите смешаться с охраной и поехать сами?

Линь Цэ кивнул. Чжоу Хань пригласил его, значит, он должен там быть. Только под другим именем.

— Если я буду рядом с Чжоу Цзэи, никто к нему не подберется, — заверил Чжуйсин.

— Нет, — отрезал Линь Цэ, — у меня для тебя другое поручение. Я поеду сам.

Чжу Юэ, выслушав свою задачу, спросила:

— А я? Что делать мне?

— У тебя низкий уровень мастерства, — холодно заметил Чжуйсин, — ты только все испортишь.

— Мэн Чжуйсин! Ты... ты... — Чжу Юэ от ярости затопала ногами, не в силах подобрать слова.

— Чжу Юэ, — мягко сказал Линь Цэ, — пока меня не будет, ты должна следить, чтобы никто не заподозрил неладное. Если кто-то вроде Се Синя попытается прорваться...

— Поняла, — кивнула она. — Никого не подпущу к спальне генерала.

На следующий день Линь Цэ, выбрав троих солдат подходящего телосложения, переодел их в доспехи гвардии Юйлинь. Они примкнули к свите Хуай-вана. Сунь Юдэ уже предупредил принца, что генерал Линь беспокоится о его безопасности и посылает четверых лучших воинов. Чжоу Цзэи не возражал.

Резиденция Гуансян-вана располагалась на горе Чантин, в двадцати лилях от столицы. С ее высоких террас открывался вид на весь город. Линь Цэ, затерявшись среди охраны, прибыл на вершину горы, где среди облаков и водопадов возвышался роскошный дворец.

<http://bllate.org/book/19998/1972041>